

П. О. Бобровский

**Преступления против чести
по русским законам
до начала XVIII века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. О. Бобровский**
Преступления против чести по русским законам: до начала XVIII века / П. О. Бобровский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 120 с.

ISBN 978-5-4241-6648-8

Преступления против чести по русским законам до начала XVIII в. Отрывок из приготавливаемого къ печати 3-го выпуска артикула воинского (гл. XVII и XVIII).

ISBN 978-5-4241-6648-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

солдату, какъ офицеру и начальнику, законъ даетъ защиту отъ неправаго посягательства на его честь и право искать удовлетвореніе за личное оскорбленіе въ какой бы формѣ оно ни выражалось бы. Сознается, что личная честь не можетъ быть предметомъ продажи на деньги, что она составляетъ благо, которое личность можетъ отстаивать, какъ и всѣ другія права свои, что это благо можетъ быть у человѣка отнято только въ силу закона, при извѣстныхъ условіяхъ. Но и въ этотъ періодъ упорно продолжается еще борьба старинныхъ понятій съ новыми, чести родовой съ честью служебною. Мѣстничество еще существуетъ въ нравахъ чиновныхъ людей.

Восьмивѣковой путь проходитъ съ видимымъ торжествомъ нравственной силы надъ физическою, христіанства надъ восточною азычства.

I. Преступленія противъ чести въ древней Руси.

Въ жизни русскихъ славянъ, при самомъ зарожденіи государства, встрѣчаются тѣ же бытовья явленія, которыя наблюдаются и въ жизни другихъ древнихъ народовъ. Родовой патриархальный бытъ русскихъ славянъ, съ обычаемъ кровавой мести, лежитъ въ основѣ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. Родовыя отношенія играли важную роль въ быту нашихъ предковъ, съ ними мы встрѣчаемся даже и въ XVII столѣтіи ²⁾).

Русскіе князья, съ своею дружиною, образовавъ юное славянское общество, внесли въ среду его начало сословное, въ противоположность родовому. Въ дружину варяжскую открытъ

²⁾ Весьма интересны воззрѣнія на этотъ предметъ: *Эверса, Соловьева, Кавелина, Калачова, Никольскаго, Утина* и друг. Въ пятидесятыхъ годахъ по этому вопросу возникла серьезная полемика. См. москов. сборн. 1852 г., т. I, статью *Аксамова*. Теорія родового быта у русскихъ славянъ обстоятельно изслѣдована *Никольскимъ* въ сочиненіи: „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ“. Москва. 1859 г.

былъ свободный доступъ храбрымъ людямъ всёхъ странъ и народовъ и прежде всего, конечно, туземцамъ славянамъ; въ дружинѣ каждый могъ подняться своею личною доблестью, личными достоинствами, явилось понятіе о лучшихъ храбрѣйшихъ людяхъ, выдѣлявшихся изъ толпы, скованою прежде извѣстною степенью по родовой лѣстницѣ. Дружина получала содержаніе отъ князя; старшіе члены дружины, называемые въ аѣтахъ боярами и княжими мужами, были его совѣтниками, воинами по преимуществу; иногда таѣхъ княжихъ мужей называли *огнищанами*. Другую часть войсва, подчиненную дружинѣ, составляли *вои* (воины), т. е. земское войско. Всѣ они вмѣстѣ съ дружиною образовали *полки*. Но были еще и наемныя войска: варяги, печенѣги, торыи. Ожесточенныя битвы нерѣдко рѣшались единоборствомъ—*поединкомъ*. Поединциви, случалось, боролись безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить объ землю. Печенѣгъ вызываетъ на единоборство русскаго: со стороны Азіи выходитъ громадный печенѣгъ, со стороны Руси—Янъ Усмоневецъ, человекъ обыкновенный, незначительностію своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редѣда князь басошскій вызываетъ на поединокъ Мстислава. Мстиславъ чувствуетъ, что противникъ одолѣетъ его, и однако русскій князь побѣждаетъ азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія преданіе видитъ въ лицѣ Святослава. Онъ не богатырь въ собственномъ смыслѣ, онъ вождь дружины, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ, но онъ первый между дружинниками, бьется на челѣ ихъ, не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Въ немъ личность всецѣло подчинена потребностямъ общественнымъ. Это герой въ настоящемъ понятіи.

При стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, когда господствовали необузданныя страсти, когда силою брали все, а право силы считалось высшимъ правомъ, нравы не могли быть мягкими, и самыя законы допускали частную месть, какъ расплату за

обида. Кровавая месть, частыя убійства на пиряхъ, мщеніе Ольги, разбой при Владимірѣ, поступки Добрыни съ семьёю Рогволода въ Полодѣѣ, поведеніе Святослава — вотъ факты, не оставляющіе сомнѣнія для вывода о грубости нравовъ и жестокости людской. Всѣ члены одного рода обязаны защищать другъ друга, мстить другъ за друга. Въ русской правдѣ эта обязанность ограничена уже извѣстными степенями родства: братъ мститъ за брата, отецъ за сына и наоборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны.

Все это въ порядкѣ вещей, вездѣ первоначальныя общества складывались такимъ же образомъ. Изъ русской правды видимъ, что родовой бытъ славянъ въ XI столѣтіи началъ уже ослабѣвать.

Когда не было мстителя, то убійца платилъ князю ценю, виру, за князя мужа и боярина двойную виру (80 гривенъ), за свободнаго челоуѣка одну *виру*, за женщину *полвиры*. Рабъ, холопъ считался вещью, предметомъ; его убійство не считалось убійствомъ. Честь какъ и жизнь свободнаго челоуѣка опѣнивалась на деньги; честь холопа не стоила и *веврицы* (900 доля гривенъ).

Когда сила физическая на первомъ планѣ, когда страсти не подчинены господству религіозныхъ и нравственныхъ законовъ, тогда не можетъ быть мѣста обидѣ словомъ: за сворою обидою слѣдуетъ скорая месть, расправа физическая, беспощадная, но отъ мстителя уже можно было откупиться деньгами. И древній богатырь, герой эпохи, въ народномъ воображеніи представляется существомъ одареннымъ чудовищною физическою силою, котораго одолѣть можно было только посредствомъ чародѣйства.

Съ русскимъ народомъ эпохи язычества въ тѣсной связи волхвы, гадатели, кудесники, ворожеи, вѣдуны, вѣдьмы. Язычники славяне подчинялись вліянію этихъ темныхъ силъ. Волхвы славянъ, какъ видно, имѣли тѣсную связь съ волхвами финскими. Долго послѣ принятія христіанства волхвы

съ сѣвера мутили славянское народонаселеніе. У финновъ болѣе чѣмъ у славянъ было развито ученіе о злыхъ боже-ствахъ, о злыхъ духахъ, объ общеніи съ ними. Значеніе чародѣевъ и ворожей въ быту русскаго народонаселенія было весьма значительно; оттого вѣроятно, долгое время, въ теченіи пяти—шести столѣтій, съ волшебствомъ и чародѣйствомъ бесплодно боролось христіанство ³⁾).

Обратимся въ обзорѣнію источниковъ и прослѣдимъ ходъ историческихъ явленій, которыми обуславливалось постоянное развитіе просвѣщенія въ обществѣ и соотвѣтственное съ нимъ развитіе понятій о личности.

Памятники древней Руси.

а) Языческіе обычаи русскихъ славянъ въ ссорахъ, дракахъ и играхъ: поединки, потѣшныя и кулачныя бои.

Быть русскаго народа, оповѣтизированный въ былинахъ, представляетъ доблестныхъ богатырей, вступающихъ въ бой съ беззавѣтною отвагою, ради удалства, мести, поживы на чужой счетъ; или же, подобно древнимъ героямъ, русскіе богатыри жертвуютъ собою ради отчины, за вѣру, за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Наши витязи бьются одинъ на одинъ.

Въ одиночныхъ бояхъ или поединкахъ русскіе герои бились, на коняхъ или пѣшіе, разнымъ оружіемъ: „палицами булатными“, „саблями острыми“, „копьями долгомѣрными“, а то и просто дубинами, на примѣръ новгородскіе богатыри, или въ рукопашку. У поединщиковъ былъ въ употребленіи также лукъ, рогатина и булатный ножъ.

³⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. I, стр. 90, 91, 247. См. еще цитату 117 о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области, объяснявшихъ какимъ образомъ созданъ человекъ. По ихъ понятіямъ доброе или злое существо происходитъ изъ женщины, тогда какъ чернокожіе, по своему характеру, есть мужское.

Одолѣвшій въ рукопашномъ бою поражалъ своего противника рогатиною, или же булатнымъ ножомъ. Но могъ дать ему и пощадy. Коренной русскій богатырь Илья Муромецъ почти во всѣхъ былинахъ представляется любящимъ стрѣлкою ⁴⁾.

Въ законодательныхъ памятникахъ первое извѣстiе о „полѣ“, т. е. „судебномъ поединкѣ“ встрѣчаемъ въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригю въ 1229 г. ⁵⁾. Русскимъ запрещается вступать на поединокъ съ *иностранцами* какъ въ русской землѣ, такъ и за ея предѣлами. „Но нѣмцы“ т. е. иностранцы, могли рѣшать дѣло между собою поединкомъ, „князя это дѣло не касается“ ⁶⁾. Изъ словъ договора, запрещавшаго смольянамъ вызывать на поединокъ нѣмецкихъ гостей „на полѣ въ Смоленскѣ“, Бѣляевъ заключаетъ, что у смольянъ существовалъ обычай дѣлать такіе вызовы ⁷⁾. Бьющіеся на поединкѣ употребляли палицу или дубину (палицу), сулицу или мечъ. Палацкій въ исторіи чеховъ упоминаетъ о постановленіи Кунрата Ота въ XII столѣтіи, воимъ чехамъ запрещается употребленіе поединка „развѣ только съ иностранцами ⁸⁾“. Слѣдовательно у чеховъ разрѣшалось биться съ иноземцами, у русскихъ же славянъ, напротивъ, биться съ иноземцами запрещалось. Но у тѣхъ и у другихъ славянъ съ XIII столѣтія, вѣроятно подъ вліяніемъ христіанства, стремились *вывести изъ употребленія поединокъ между своими*.

⁴⁾ В. П. Авенаріуса „Книга былинъ“. С.-П.-Б. 1880 г. стр. 25, 256, 258, 102.

⁵⁾ „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права“. Сбл. 1859 г., стр. 22: „роусиноу не звати латина на полѣ биться оу роуской земли; а латиникоу не звати роусина на полѣ оу Ризѣ и на Готскомъ березѣ“; а въ 1230: „роусиноу же нельзѣ позвати немчина на поле смоленское, ни немчю въ Ризѣ, на Готскомъ березѣ“.

⁶⁾ Тамъ же стр. 22, 23: „Аже латинскии гость бьется мѣжу съ бою оу роуской земли либо мѣчемъ, а либо деревьмъ, князю то не надобе, мѣжу събою судити“. А въ варіантѣ 1230 г. названы „мечъ“ и „сулица“.—Русскіе должны судиться между собою своимъ судомъ „отправляться сами по свосму суду“, не только въ русской землѣ, но и за ея предѣлами: „въ Ризе на Готскомъ березѣ“.

⁷⁾ Бѣляевъ „Поле“. Москвитининъ на 1855 г. №№ 13 и 14, стр. 35.

⁸⁾ Ibid., стр. 34, 85. „Dejiny národu Českého, ч. II, стр. 327.

Въ русской правдѣ не встрѣчаемъ названія „поле“, но въ ней упоминается о „желѣзѣ“, о „водѣ“, какъ объ особыхъ формахъ суда божія, а къ такому суду, какъ одна изъ его формъ, относится и судебный поединокъ или поле ⁹⁾). Такъ было вездѣ въ эпоху господства ордалий.

О рѣшеніи судебныхъ дѣлъ водою упоминаетъ извѣстный проповѣдникъ XIII стол. Серапіонъ: „Вы же воду послухомъ поставите и глаголете: аще утопати начнетъ, неповиненъ есть, аще ли поплыветъ—волхвовъ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣріе, подержати да не погрузится, дабы въ вресци въ душегубство?“ Представителей православной церкви возмущали эти обычаи язычества: „Яко оставльше послушество боготвореннаго человѣка, идоста къ бездушну естеству, къ водѣ, пріясте послушество на прогнѣванье божіе ¹⁰⁾“. И желѣзо, какъ судебное доказательство (договоръ Мстислава 1229 г.), употребляется въ крайнихъ случаяхъ ¹¹⁾). Испытаніе водою, холодною или горячею, и желѣзомъ, какъ обычай языческаго суда божія, переходило въ законодательство христіанъ съ замѣною однако языческихъ обрядовъ, употреблявшихся при судѣ, обрядами христіанскими: передъ испытаніемъ водою дѣлали *заклинанія* и *освящали* ее, потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго и если онъ погрузился на дно, то объявляли *невиннымъ*, если же всплывалъ

⁹⁾ Ibid., стр. 35. См. *русскую правду*, по троцкому списку, ст. 17, 81, 82: „во всѣхъ тяжбахъ, въ гатьбѣ и въ поклейѣ, когда не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ пеголи до полугривни золота“; когда же искъ былъ менше, до двухъ гривень серебра, „то на воду“. Иски же меньшей цѣнности рѣшались присягою (*Собр. важн. памятн. древ. рус. пр.*, стр. 54, 64, 65). Холопъ могъ быть допущенъ къ свидѣтельству по желанію истца только въ крайности, при отсутствіи свидѣтеля изъ лицъ свободныхъ. У чеховъ подсудимый обязанъ былъ простоять известное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опуститъ руку въ раскаленный котелъ, либо выхватить желѣзо изъ огня при дверяхъ храма и отнести его къ алтарю. Подвергавшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки: если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло, *Соловьевъ*, *Ист. Рос. I*, стр. 264, цит. 378. Авторъ полагаетъ, что здѣсь начало *пытки*.

¹⁰⁾ *Вильевъ*, стр. 36. *Творенія св. отц.* Годъ 1, кн. 3. Приб. стр. 202.

¹¹⁾ Ibid., стр. 36 *Русск. достопамятности* ч. II, стр. 235.

на поверхность воды—виновнымъ. Обычай бросать людей въ воду на *жертву* нѣвоему богу существовалъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранялся долгое время у русскихъ славянъ послѣ принятія христіанства. При испытаніи же горячею водою испытуемый обязанъ былъ вынуть изъ сосуда съ выпаткомъ извѣстный предметъ.

Поединки, надо полагать, вели къ безпорядкамъ, къ нарушенію общественной тишины, ибо поединчики „польщики“ обращались за помощью къ *постороннимъ* и такимъ образомъ изъ частнаго боя легко воспламенялась общая драка. По существовавшему изъ древности обычаю въ Черногоріи, когда кто нибудь вызывалъ другаго на поединокъ (мейданъ), изъ мести или просто изъ удали, то часто случалось, что поединчики созывали на помощь къ себѣ и, когда вокругъ завязывался бой, удалялись ¹²⁾.

Запрещеніе призывать на помощь постороннихъ, особенно людей другой націи, мы видимъ въ текстѣ древнѣйшихъ европейскихъ военныхъ артикуловъ, коими разрѣшались поединки и драки.

Языческое происхожденіе потѣшныхъ игръ.

Новгородскіе *потѣшные бои* палицами или палками, о которыхъ упоминають лѣтописцы, также весьма древняго происхожденія. Воспоминанія о бояхъ сохранялись въ народныхъ преданіяхъ и перешли въ новгородскія былины. Въ былинахъ про „Василія Буслаевича“ назначенъ бой его дружины съ новгородскими мужиками, т. е. съ горожанами, на *Волховомъ мосту* и здѣсь сплетается съ преданіемъ объ идолѣ Перунѣ, вверженномъ въ р. Волховъ. Въ густынской лѣтописи сказано, что когда въ 990 году въ Новгородѣ сверженъ былъ въ волховъ идолъ Перуна, то „единъ нѣкто человекъ верже на него палицею, онъ же, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою новгородцевъ, яко *оттолъ* въ сіе время даже до

¹²⁾ *Поносъ*, Путешествіе въ Черногорію, стр. 145, 291; у Вѣалева, стр. 37.

нынѣ (т. е. до XVII в.), въ *каждо лето на томъ мосту люди собираются и, раздѣльшися на двое, играюще убиваются*¹³⁾“.

Такъ упорно въ народномъ быту христіанъ сохранялись древніе языческіе обычаи.

Противъ бѣсовскихъ побойщъ или „неистовыхъ забавъ“, какъ и противъ поединковъ, возставала церковь, а жившіе въ Новгородѣ нѣмецкіе гости просто побивались этихъ „*мужицкихъ*“ дракъ съ древолоємъ.

Въ правилахъ владимірскаго собора 1227 г. сказано, что митрополитъ Кириллъ съ епископами новгородскимъ, ростовскимъ, переяславскимъ и полотскимъ¹⁴⁾, опредѣлили: участниковъ *нечестивыхъ иръ съ древолоємъ*, которыя сопровождались безчинствами и убійствами, отлучать „отъ святыхъ Божиихъ церквей, а оубиенни да боудоуть провляти въ снѣ вѣкъ и въ боудоуции“. Противящихся по постановленію собора вѣдно лишать христіанскаго погребенія: „Аще и оумретъ, то надъ нихъ не ходять перен и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ Божиихъ церквей“. Священника, не исполняющаго этихъ правилъ, лишать сана: „да боудеть чюжь своего сана“.

Въ составѣ предложеній (редакція которыхъ дошла до насъ на латинскомъ языкѣ), представленныхъ со стороны нѣмецкихъ уполномоченныхъ новгородскому правительству, при заключеніи съ нимъ договора 1270 г., находится статья, по которой на улицѣ между нѣмцами торговыми дворами должна быть запрещена неистовая забава, въ коей люди бьются древолоємъ. При этомъ указана и цѣль запрещенія:

¹³⁾ Полн. собр. русск. лѣтопис. т. II, стр. 257, 258, 259, въ прибавл. *уст. лѣт* и еще въ *Русск. Врем.* ч. 1, стр. 52: „Онъ же (Перунъ), плова съвозъ великій мостъ, верже палицу свою и рѣче: на семъ мя поминяють новгородскія дѣти, *ю же* (добавляетъ лѣтописецъ) и нынѣ безумнии люди убивающися, утѣху творять бѣсомъ“. У *Быллева* стр. 41 и слѣд.

¹⁴⁾ Изъ постановленій собора видно, что отъ временъ языческихъ (трехлѣтныхъ еллинъ) сохранялись обычаи „въ Божественные праздники позоры нѣкаки бесовския творити, съ свистаніемъ и съ влечемъ и съ вълемъ сзывающе нѣки скаредниа пьяница, и бьющися древолоємъ до самыя смерти и взимающе отъ убиваемыхъ порты“. *Русск. Дост.*, ч. I, стр. 115. У *Быллева*, стр. 42, замѣч. 2.

„чтобы русскіе и гости не имѣли повода къ ссорамъ“. Но статья эта очевидно не была принята Новгородомъ, такъ какъ ея въ договорѣ 1270 г. нѣтъ ¹⁶⁾.

Обычай языческихъ игръ въ XIII вѣкѣ распространенъ былъ не только между русскими славянами. Лѣтописецъ, рассказывая о битвѣ Данила Романовича галицкаго съ Мен-догомъ, между прочимъ, писалъ: „И ятвязи съ *сулицами* гонипашь на поли подобно *ирт*“ ¹⁷⁾. Ятвяги были упорными язычниками и съ ними вели истребительныя войны сосѣдніе христіане: тевтонскіе рыцари, князья мазовецкіе и особенно князья галицкіе. У ятвяговъ бой нерѣдко рѣшался поединкомъ.

И такъ, до нашествія монголовъ русскимъ славянамъ, какъ и германцамъ, были хорошо извѣстны ордали, какъ различныя формы суда Божія, а въ томъ числѣ и поединокъ; вѣрили, что „божество“ было на сторонѣ праваго, и эту вѣру не могло поколебать у древнихъ славянъ принятіе христіанства и строгій запретъ духовенства.

Въ народныхъ обычаяхъ, сохранявшихся отъ временъ язычества, поддерживались потѣшныя бои или игрища, съ которыми соединялись языческіе обряды; церковь вела борьбу съ этими обычаями, несогласными съ духомъ любви и кротости христіанской, и верховная власть готова была поддержать стремленія христіанскихъ іерарховъ, возстававшихъ противъ боевъ съ палицами, противъ боевъ потѣшныхъ или игрищъ. Но ни церковь, ни верховная власть не могли искоренить въ русскомъ народѣ обычаевъ, стремившихся стать юридическими учрежденіями, чему ни мало не препятствовало татарское иго, остановившее надолго свободное развитіе общественной и государственной жизни.

Мы видѣли, что въ XIV и XV столѣтіяхъ у романскихъ

¹⁶⁾ *Андреевскій*, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. С.-П.-Б. 1855 г. См. примѣч. 91, на стр. 28. *Бережковъ*. О торговлѣ Руси съ Ганзой конца XV вѣка. С.-П.-Б. 1879 г. См. стр. 189—194.

¹⁷⁾ *Карамзинъ*, Ист. госуд. росе. т. IV, стр. 90. Лѣтописецъ волынской рассказываетъ о поединкѣ молодаго Льва Даниловича съ начальникомъ ятвяговъ Степаномъ. *Даниловича*, Skarbnik, № 156. *Ярошевича*, Obraz Litwy, т. II, гл. I § 13.

и германскихъ племенъ поединки стали средствомъ своекорыстія, самоуправства, и насилій. Тоже было и съ судебными поединками славянъ; рыцарскія игры, тоже что и кулачные бои, въ существѣ своемъ точно также были наслѣдіемъ языческихъ забавъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ видимъ замѣчательное сходство западныхъ народовъ съ тѣми славянами, которые направили свои силы на отдаленный востокъ Европы.

Въ XIV столѣтіи, существовавшій у западныхъ и южныхъ славянъ обычай судебныхъ битвъ, сдерживаемый ранѣе законами нѣкоторыхъ государей (напримѣръ у чеховъ), получилъ самобытное развитіе и опредѣленіе, болѣе или менѣе сходное съ германскими уставами. Въ чешскомъ „земскомъ уставѣ 1348 и 1355 г.г.“ въ сорока пунктахъ подробно описаны всѣ обряды и условія, относительно судебного поединка или по чешски „забоа правнаго“¹⁷⁾). Эти обряды сопровождались обычаями языческими извѣстными русскимъ славянамъ.

Поле по судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV.

Не смотря на раздробленіе Руси, обычай поля не исчезъ и держался въ народномъ употребленіи. Это видно изъ словъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ грамотъ XV столѣтія: „или поле ся коньчало, а то коньчати“ и проч.¹⁸⁾, и изъ посланія митрополита Фотія къ новгородцамъ 1410 г., который подъ страхомъ лишенія священнаго сана запрещаетъ священникамъ причащать поединчиковъ и допускать ихъ къ крестному цѣлованію; убившій другаго на поединкѣ име-

¹⁷⁾ „Wybor z Literatury Ceské“. Прага 1845 г. стр. 610—626. *Палацій*, „Dejin. etc.“ ч. II, стр. 297. У *Бяльска*, стр. 45.

¹⁸⁾ *Бяльскъ*, стр. 45. Псковская судебная грамота, договоры Москвы съ Рязанью. Собр. госуд. грам. и догов. I, грам. №№ 36 и 65. Въ уставной бѣлозерской грамотѣ 1488 г. судебный процессъ въ денежныхъ дѣлахъ разрѣшается вести *до поля*: „А побіются на полѣ, и намѣстники велеть на виноватомъ истцово доправити, а на себя велеть взяти противень противу истцова, а то имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ ихъ пошляны“. *Акты археограф. эксп.* т. I, № 123 стр. 93.—Тутъ же упоминается о пошлянахъ намѣстнику, тіуну, доводчикамъ: „а досудятъ намѣстнику и тіуны о рублѣ до поля, а восхотятъ ся помирати, и они дадутъ намѣстнику гривну, и съ тіуны и съ доводчики, за всѣ пошляны“.